

УДК 1(091)

АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭРИХА ФРОММА

А.В. Гнедько

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Дана интерпретация проблемы человеческой деструктивности в теоретическом наследии Э. Фромма. Критикуя концепции человеческой деструктивности, сложившиеся в социобиологии, бихевиоризме и учении З. Фрейда, Фромм разработал на платформе экзистенциального психоанализа весьма продуктивное разграничение доброкачественной и злокачественной агрессивности. Его стратегия применима к характеристике социокультурных и политических реалий, релевантна задаче поиска антропологического содержания событий истории.

***Ключевые слова:** деструктивность, инстинктивизм, бихевиоризм, доброкачественная агрессия, злокачественная агрессия, садизм, мазохизм, некрофилия, социальный характер.*

Так называемый социальный невроз, возникающий вследствие негативного (деструктивного) влияния социальной системы на человека, является одной из стержневых проблем, рассматриваемых в рамках концепции экзистенциального психоанализа Фромма. Данная проблема является одной из ключевых в его работе «Бегство от свободы» (1941). Но более глубокое исследование он провел в своем труде – «Анатомия человеческой деструктивности» (1973). В данной книге он акцентирует внимание на самой опасной форме деструктивного поведения - человеческой агрессии. Главной целью он ставит выявление причин и различных проявлений агрессии у человека. Он использует данные и исследования различных наук по данной проблеме. Подчеркнем при этом, что он не претендует на достаточно компетентное освещение данной проблемы с точки зрения других наук. Но, тем не менее, его работа является первой, где обобщаются различные взгляды на данную проблему. Фромм не ограничивается изучением различных взглядов на агрессию, он рассматривает различные проявления деструктивного поведения человека.

Целью статьи является анализ особенностей фроммовского подхода к изучению проблемы человеческой деструктивности, рассмотрению специфики экзистенциально-психоаналитической концепции применительно к данной проблеме. Безусловной базовой основой для исследования является его фундаментальный труд «Анатомия человеческой деструктивности».

В своей работе Фромм дает критический анализ тех взглядов, которые господствовали в психологии в XX в. Речь идет в первую очередь о теориях инстинктивизма и бихевиоризма. При этом фрейдизм рассматривается в сравнении с инстинктивизмом, так как взгляды Фрейда в целом научная мысль относилась к инстинктивистским теориям.

Фромм считает Фрейда последней ступенькой в развитии теории инстинктов. Инстинктивизм, представленный прежде всего взглядами Конрада Лоренца, рассматривает агрессию как следствие проявления инстинктивной энергии, как постоянный импульс, который накапливается, создавая напряжение, и требует постоянной разрядки. Подобные взгляды тесно пересекаются с концепцией либидо

Фрейда. Фромм называет эти теории гидравлической моделью по аналогии с тем, что инстинктивная энергия (либидо) сдерживается, как энергия воды удерживается плотиной, и потом при определенных условиях происходит прорыв [5, с. 18]. В рамках данной теории агрессивность рассматривается как жизненная необходимость, обусловленная необходимостью выживания. Но в то же время Лоренц признает, что только у человека агрессия принимает особые жестокие и вредные формы. Это объясняется тем, что эта энергия как постоянная деструктивное влечение требует разрядки даже в случае отсутствия раздражителя. Таким образом, агрессия может проявляться не только для выживания, но и как самостоятельный, ничем не обусловленный инстинкт. Следовательно, деструктивность свойственна человеку, так как заложена в самой его генной структуре [2, с. 230]. Лоренц и Фрейд подчеркивают явление фрустрации как неизбежный источник агрессивного поведения. Подобный взгляд находит яркое выражение в поздней фрейдистской теории о влечении к смерти. В её рамках Фрейд рассматривает инстинкт к разрушению, а следовательно, и агрессивность, как биологические импульсы, свойственные человеческой личности. Однако взгляды Лоренца и Фрейда имеют, и различия, ведь у Фрейда инстинкту разрушения (влечению к смерти) противопоставлено влечение к жизни, частью которого является и сексуальность. У Лоренца любовь также рассматривается как проявление агрессии. Фромм пишет, что взгляды Лоренца порой достигают абсурда, особенно там, где он утверждает, будто наука, искусство также связаны с агрессивностью, а также в его фанатичной ориентации на теорию эволюции Дарвина. Лоренц больше полагается не на разум, как, например, Фрейд, а на эволюцию. Он полагает, что спасти человека от духовного вырождения и саморазрушения может только сила эволюции.

В своих исследованиях Фромм использует данные таких наук, как нейрофизиология, палеонтология, этология и антропология, для критики взглядов инстинктивистов. Он пишет об излишней замкнутости нейрофизиологии и психологии и рассматривает необходимость их большего взаимодействия и сотрудничества. Фромм критикует нейрофизиологию за ограниченность её методов и за излишнюю приверженность дарвинизму. В соответствии с её теорией структура и функции мозга направлены на главное – сохранение и выживание вида. Агрессия или бегство являются одними из основополагающих реакций в деле выживания организма. Он пишет, что рефлекс бегства гораздо чаще возникает как реакция организма на угрозу. Однако инстинктивисты не упоминают о врожденном рефлексе бегства, но упорствуют в акценте значимости рефлекса агрессии. Фромм размышляет по этому поводу: «Если бы историку пришел в голову такой вопрос: какой из инстинктов проявил себя больше в человеческой истории – инстинкт бегства или борьбы, вероятно, ответ был бы однозначный: история определялась не столько агрессивными инстинктами, сколько попыткой подавить в человеке инстинкт бегства (страха)» [5, с. 67]. Фромм доказывает, что проявление того или иного механизма (бегства или агрессии) нередко связано с социокультурными, а не с биологическими факторами.

Инстинктивисты строят свои теории в основном на сравнении человека и животного. Фромм приводит сведения и данные наблюдений различных исследователей, которые не доказывают врожденной деструктивности у животных. Он пишет, что представление об агрессивности животных возникло в значительной мере под влиянием понятия «территориальные претензии». Инстинкт охраны территории преподносится как главный источник агрессивности человека и животного. Фромм критикует данную теорию. Он считает: то, что называется «территориальной агрессивностью», в частности, у приматов, есть лишь проявление реакции,

направленной на равномерное распределение жизненного пространства и тем самым на сохранение мира. У людей же большая часть войн развязывалась ради получения каких-либо благ и привилегий, а не для защиты границ от угрозы нападения. Такой же необоснованной представляется им и теория лидерства. Он ссылается на исследования поведения павианов Т. Роулла, в которых тот приводит сведения о том, что иерархическая структура у павианов есть лишь следствие покорности нижестоящих животных, основанное на признании, а не результат целенаправленных агрессивных действий по завоеванию и укреплению лидерства [там же, с. 78]. Схожая мысль наблюдается и у В. Мэсона по поводу шимпанзе. У людей же, наоборот, институт власти и лидерства часто не основывается на признании личных качеств и компетентности. Фромм пишет, что даже у наиболее агрессивных крыс подобная агрессия связана с внешними условиями. Эксперименту Штайнигера, в котором крысы, собранные из разных мест и помещенный в один пустой вагон, устроили кровавую бойню, он противопоставляет аналогичный опыт Колхауна. Он поместил крыс, набранных таким же способом, в более подходящие условия, в помещение, разделенное на зоны, и крысы там также разделились на группы (семьи). Эти исследования, по мнению Фромма, показывают, что данные о наличии врожденной агрессивности у животных и соответственно у человека являются неубедительными.

Весьма интересной представляется критика антропологической теории человека-охотника. Суть теории состоит в том, что психология человека – результат эволюции и приспособления к такому занятию, как охота. Данная теория утверждает, что агрессия и тяга к убийству характерны для человека-охотника. Если воспитание и социальные условия не перекрывают это естественное влечение, то люди получают удовольствие от охоты и убийства. Фромм критикует подобные взгляды, считая, что жестокость и убийства ради удовольствия лишь подтверждают одно: существование садистских личностей и цивилизаций.

Фромм приводит экзистенциальные мотивы первобытных охотников, такие, как, например, стремление воссоединения с природой, совершенствование и оттачивание навыков. А для современного человека – жажду самоутверждения. Итак, Фромм критикует взгляды инстинктивистов относительно общества первобытных охотников и собирателей. Тем самым, он ставит под сомнение теорию Гоббса о некоем агрессивном состоянии первобытного общества, которое он называл «война всех против всех». Фромм считает, что исследования современных охотников и собирателей, живущих и живших в традиционных обществах нашего времени, могут предоставить данные об образе жизни наших далеких предков. Изучение жизни эскимосов, алеутов и различных индейских племен приводят к интересным выводам. Племена живут по принципам кооперации, равенства, взаимопомощи и сотрудничества. У них в основном отсутствуют собственнические наклонности и вещизм, свойственные современной цивилизации. Этим обществам не свойственны строгая иерархичность и наличие институтов власти и насилия. Американский антрополог М.Д. Салинс считает, что первобытные общности были первыми в мире обществами благоденствия, в противовес общепринятым взглядам [там же, с. 94]. Современное общество со всеми своими достижениями и цивилизацией не может обеспечить всем достатка или необходимого минимума, несмотря на тяжелый труд людей, заставляющий задуматься, каково же было нашим предкам. Но наши предки в далекие времена имели другие ценности и представления о жизни и вполне могли быть счастливее многих современных людей. Однако развитие так называемой цивилизации привело к усложнению социальной структуры, появлению расслоения и неравенства, институтов власти и насилия.

Все это изменило человека, появилось гораздо больше факторов, способствующих разобщению людей и проявлению агрессии. У первобытных людей войны, как правило, носили характер стычек и столкновений на почве ссоры или мести. Целенаправленные, организованные и масштабные войны на почве экономических интересов характерны уже для цивилизованных людей. Фромм также ссылается на историка и социолога Льюиса Мамфорда, который утверждает, что именно с появлением так называемых городских цивилизаций возникла тенденция к агрессиям, войнам и разрушениям [там же, с. 104]. Таким образом, по мнению Фромма, взгляды инстинктивистов о врожденной деструктивности не выдерживают критики.

Бихевиоризм в противовес инстинктивизму постулирует, что поведение человека формируется и определяется сугубо влиянием социальных условий. В исследовании Фромм ссылается на основных представителей данной теории Б. Скиннера и Д. Уотсона. По их мнению, психология не должна заниматься исследованием чувств и влечений, т. е. субъективных факторов. Она должна изучать лишь внешние социальные механизмы, которые провоцируют человеческое поведение. Фромм видит главный недостаток бихевиоризма в том, что он не учитывает внутренние стимулы, стремления и влечения человека, его мотивы и ценности. «Поскольку бихевиоризм не владеет теорией личности, он видит только поведение и не в состоянии увидеть действующую личность». По сути, Скиннер, игнорируя человеческие страсти, ставит в основу поведение человека принцип полезности и конформизма. Эгоизм в данном случае является главным стимулом человеческого поведения. Фромм пишет об этом так: «Короче, скиннеризм это психология оппортунизма, выдающая себя за научный гуманизм» [5, с. 36]. Взгляды Скиннера на агрессию, по мнению Фромма, ошибочны, так как, во-первых, не учитывают мотивы, скрытые от человеческих глаз, в связи с чем реакция человека в похожих условиях может быть разной. Во-вторых, потому что бихевиористы в своих исследованиях в основном опираются на контролируемые лабораторные опыты. Фромм же считает, что для анализа агрессивного поведения человека нужно стремиться к изучению в реальном жизненном процессе, хотя это и не просто. В критике бихевиоризма Фромм опирается и на их исследовательские опыты. Речь идет об экспериментах Мильграна и Цимбардо.

Задачами этих экспериментов было выявить закономерности поведения (в данном случае проявление жестокости и агрессии) при определенных условиях. Эксперимент Мильграна в той или иной степени показал проявление конформизма и подчинения авторитету в противовес личным чувствам. Однако именно проявление чувств (возмущение против страданий) у многих людей, по мнению Фромма, показатель наличия у людей совести и внутренней борьбы. Эксперимент, по мнению Фромма, выявил скорее не жестокость людей, а их податливость и склонность к конформизму. Опыт показал разницу между сознательными и бессознательными мотивами в поведении. Сознательные моральные ценности уступали под давлением скрытых психических мотивов, характеризующихся конформным поведением. Конформизм в данном случае есть деструктивная конструкция, сформировавшаяся в психике людей.

Что касается эксперимента Цимбардо, то данные этого опыта, по мнению его автора, подтвердили, что любой человек при особых условиях может прийти до любого состояния, в частности, до жестокости. Фромм также ставит эти данные под сомнение. Во-первых, он сомневается в адекватности и профессионализме психологического отбора участников, которые якобы не имели садистских и других деструктивных наклонностей. Недоверие вызывают обычные психологические тесты, которые часто не позволяют выявить скрытые наклонности людей. Кроме

того, нет проверки выводов в реальных условиях. В целом Фромм ссылается на недостаточность данных, не позволяющую делать далеко идущие выводы. Кроме того, он предлагает сопоставить данные исследования с реальными примерами тюремного садизма – нацистскими концлагерями. По его мнению, данные из концлагерей опровергают главный тезис бихевиоризма, что ситуативное поведение преобладает над моральными ценностями. Он ссылается на аналитические данные психолога Бруно Беттельхайма, который в 1938–1939 гг. был узником Дахау и Бухенвальда. Он разделил заключенных на несколько категорий. Политические и религиозные заключенные, имеющие определенное убеждение и взгляды проявляли наибольшую стойкость в тяжелых условиях. Большинство из них сохранили свою идентичность и не утратили человеческого облика, в то время как аполитичные узники оказались наиболее уязвимыми. Депрессия, рабское подчинение, уголовные наклонности, потеря морального облика – все это стало проявлениями различных личностных расстройств, характерных для данной категории. Можно сказать, что сама история является критиком бихевиористских утверждений.

Таким образом, в своих исследованиях Фромм подчеркивает ограниченность инстинктивизма и бихевиоризма. Недостатками инстинктивизма являются: во-первых, излишний догматизм обусловленный дарвинизмом, биологизмом и механистическими представлениями о человеке; во-вторых, абсолютно поверхностное изучение человека на основе общего сравнения его поведения с поведением животных. Что касается бихевиоризма, то здесь мы наблюдаем, с одной стороны, игнорирование бессознательных аспектов личности, внутренних мотивов и влечений, не говоря уже о процессе формирования этих психических факторов. С другой стороны, очевидна искусственность и лабораторность исследований и экспериментов его последователей.

Особое внимание Фромм уделяет учению Фрейда. Хотя в целом фрейдизм относят к инстинктивизму, тем не менее Фромм всегда подчеркивал в своих работах неоднозначность его теорий. Кроме того, в отличие от основоположников инстинктивизма, учение Фрейда представляет собой достаточно глубокое исследование природы человеческой личности. Фрейд создал целую психологическую структуру личности. Но все же его теория имеет тот же недостаток, он ограничивал психические процессы природным фундаментом. Стоит признать, что, изучая развитие ребенка в раннем детстве, Фрейд уделяет особое внимание роли социального окружения в формировании психологических особенностей личности. Он показал связь между типом поведения (характером человека) и особенностями поведения ребенка в раннем детстве при прохождении различных физиологических стадий. В этих исследованиях он опирался на теорию либидо. Согласно этой теории в детстве человек проходит различные фазы развития и проявления либидозной энергии. Либидо проявляется в оральной, анальной, фаллической и генитальной формах и питает разные черты характера. Характер будущего взрослого человека зависит от того, в каких социальных (внешних) условиях проходил тот или иной период созревания и развитие ребенка. Таким образом, Фрейд был одним из первых, кто показал взаимодействие влечений и окружающего мира. Однако роль такого взаимодействия ограничивалась периодом детства, а само влияние окружающей среды рассматривалось в основном как подавление и ограничение. Социальное воспитание в его теории выполняет лишь функцию коррекции либидо. Можно утверждать, что решение проблемы влияния социальных факторов на влечения в целом не выходило за рамки его механистической теории.

В границах своей концепции при изучении человеческой агрессивности (деструктивности) Фромм выдвигает альтернативный подход. Во-первых, он

предлагает разделять агрессию на доброкачественную и злокачественную (деструктивную). Разграничение между биологически адаптивной и биологически неадаптивной, по мнению Фромма, помогает решить проблему толкования агрессии. В рамках доброкачественной агрессии Фромм представляет прежде всего биологическую агрессию. Она исходит из инстинкта самосохранения, выживания, возникает вследствие угрозы биологическому существованию человеческого вида. Биологическая, оборонительная агрессия свойственна все животным, в том числе и человеку. В контексте доброкачественной агрессии Фромм также выделяет псевдоагрессию и конформистскую агрессию. Псевдоагрессия связана с агрессивными действиями, в которых отсутствует мотив разрушения и злой умысел как таковой. Примерами служат различные непреднамеренные действия, спортивные состязания, игры. Стремление к самоутверждению, по мнению Фромма, является основным мотивом псевдоагрессии. Для конформистской агрессии ярким примером является война, поскольку на войне люди проявляют агрессивные действия по долгу службы, вследствие исполнения приказов и подчинения.

Но основное наше внимание уделено злокачественной агрессии, или биологически неадаптивной форме агрессии, свойственной только человеку. Различные формы злокачественной агрессии, по мнению Фромма, есть деструктивная реакция на экзистенциальные потребности, обусловленные спецификой условий человеческого существования. Деструктивность есть результат взаимодействия социальных условий и экзистенциальных потребностей. Когда люди не способны полноценно (позитивно) удовлетворить свои основные экзистенциальные потребности (любовь, самореализация, поиск смысла существования и стремление к единству с миром), они бессознательно выбирают компенсаторские деструктивные механизмы для преодоления своей неудовлетворенности. Данный феномен Фромм разобрал еще в книге «Бегство от свободы» (1941). Фромм рассматривает проблему деструктивности как бегство человека от самого себя, от своей свободы. Таким образом, по мнению Фромма, вовсе не свобода, как считают многие, порождает зло и насилие, а отказ человека от своего «я», от своей подлинной природы и свободы. Хотя большинство людей и считают себя свободными, на самом деле таковыми не являются и живут в заблуждении и иллюзиях. В реальности они находятся в плену у внешнего мира и его объектов. Созданный человеком мир манипулирует и управляет им самим, порождая деформации сознания и, как следствие, различные формы деструктивного поведения. В книге «Бегство от свободы» Фромм выделяет четыре механизма бегства, вследствие невозможности решить экзистенциальные проблемы бытия: мазохизм, садизм, деструктивизм и конформизм. В своем основном и гораздо более позднем труде «Анатомия деструктивности человека», он рассматривает эти механизмы в целом как проявления деструктивного поведения. Кроме того, он глубже исследует различные формы деструктивности, их генезис и взаимодействие.

Итак, Фромм выделяет два типа деструктивности: спонтанная, обусловленная влиянием определенных социальных факторов, и деструктивность, связанная с характером личности. Проявлением спонтанной деструктивности Фромм называет кровную месть, хотя подчеркивает, что месть нередко связана с чертами характера, в частности, с проявлениями нарциссизма, когда человек остро переживает даже малейший ущерб своей личности. Также он выделяет экстатическую деструктивность, т. е. преодоление своего одиночества переходом в экстатические состояния (секс, наркотики, танцы, религиозные культы, сопровождающиеся агрессией и насилием), и поклонение деструктивности, характеризующиеся

состоянием хронической ненависти, вызванной возможной утратой смысла жизни и одиночеством.

Особое внимание Фромм уделяет проявлениям деструктивности, связанным с характером личности. Речь идет о таких формах деструктивности, как садизм-мазохизм и некрофилия.

Рассматривая садизм, Фромм пишет, что не оспаривает фрейдистское его толкование, в котором это явление имеет сексуальные корни. Однако поясняет, что «садизм (или его пассивная форма – мазохизм) как сексуальные извращения представляют собой лишь малую долю той огромной сферы, где эти явления никак не связаны с сексом» [5, с. 183]. Несексуальные формы садизма заключаются в удовольствии, получаемом от страданий других. Сущностью садизма является жажда власти, жизненная ориентация, направленная на владение и потребление, наслаждение чужими страданиями в контексте своего превосходства. Психологический садизм распространен еще больше, чем физиологический. Фромм критикует ортодоксальный фрейдизм и его толкование садизма. Фромм рассматривает садизм как человеческую страсть, как экзистенциальную потребность, которая проявляется в жажде власти. «Садистские черты характера никогда нельзя понять, если рассматривать их изолированно от всей личности. Для садиста все живое должно быть под контролем» [там же, с. 188]. Стимулом для него является слабое существо. Садист боится непредсказуемости, ненадежности, и потому он боится самой жизни. Еще один важный аспект состоит в том, что Фромм рассматривает садизм и мазохизм во взаимосвязи. Садист, по мнению Фромма, любит, чтобы люди подчинялись ему, но при этом остается глубоко несчастным и одиноким человеком и сам испытывает потребность в подчинении. Таким образом, Фромм постулирует существование садомазохистского характера. У различных людей сильнее проявляются либо одна сторона, либо другая. Эти проявления коррелируются в зависимости от индивидуальных особенностей людей. Фромм связывает садомазохистский характер с фрейдовской концепцией либидо анального характера. Анально-накопительский тип характеризуется соответственно стремлением к удержанию и желанию иметь, а не быть, что проявляется, в свою очередь, в собственничестве и жажде власти. В качестве клинического случая анально-накопительского садизма Фромм приводит в пример Генриха Гиммлера.

Другим ярким проявлением деструктивности социального характера является некрофилия. Обычно выделяют два типа некрофилии: сексуальную и несексуальную, выражающуюся в страсти к расчленению и всему мертвому. Фромм рассматривает несексуальную некрофилию гораздо глубже. Он пишет, что некрофильский характер можно рассматривать, с одной стороны, как страстное влечение к мертвому, и с другой – стремление превратить все живое в мертвое, как страсть к разрушению. Фромм называет это небиологической (механической) некрофилией.

Некрофильские тенденции отчетливо прослеживаются в современном обществе, выражаясь в обезличивании социальных отношений. Капиталистическая система и процесс кибернетизации породили необходимые условия для его развития. Это общество создало искусственную систему, где вещи и предметы важнее человека, где человек сам превращается в вещь. В обществе, где господствует математический расчет, живое подчиняется и поглощается не живым. Страсть человека к технике и материальным благам вытесняет подлинный интерес к жизни. Отношение человека к миру носит чисто рационально-познавательный характер. Эмоции и чувства обезличиваются. Появляется склонность к стереотипным моделям поведения. Все это и есть проявления некрофильского социального характера.

Некрофильские тенденции Фромм рассматривает в рамках современного ему индустриального общества. Несомненно, что Фромм видит пик развития этих тенденций именно в будущем информационном обществе.

Фромм называет механическую некрофилию крайней формой анально-потребительского характера [там же, с. 225]. Накопительский (потребительский) характер, по его мнению, гипертрофирован в некрофилии. Эти формы деструктивности взаимосвязаны еще и потому, что порождаются во многом одинаковыми социальными условиями. Ярким представителем некрофилии анально-накопительского характера является Адольф Гитлер.

Взгляд на его детство и молодые годы позволяет сделать вывод, что он все больше и больше погружался в себя и отрывался от реальности, впадая в мир идей и символов прошлого, что, в свою очередь, способствовало проявлению некрофильских наклонностей. В то же время его замкнутость все больше способствовала развитию крайнего нарциссизма, что является, по мнению Фромма, главным источником авторитарного характера Гитлера, который интересовался исключительно собой, окружающие люди и мир в целом были лишь инструментами для выполнения его грандиозных планов. Неудачи в жизни наносили его нарциссизму еще более глубокие раны и усиливали его мстительные фантазии и страсть к разрушению. Он был готов принести весь мир в жертву своим фантастическим планам и идеям.

Говоря о причинах и условиях возникновения некрофилии, Фромм поясняет, что пока имеется мало данных и сведений по этой проблеме. Однако можно с уверенностью говорить о том, что гнетущая мрачная атмосфера, с потерей подлинного интереса и стимула к жизни (жизнь лишенная настоящих чувств и эмоций), как в семье, так и в обществе в целом способствует развитию некрофилии. При этом Фромм отмечает, что полностью некрофильские характеры, как и садомазохистские, встречаются довольно редко. Присутствуют лишь смешанные типы характеров, в которых доминирует та или иная черта.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Подвергая критике теории бихевиоризма, инстинктивизма и фрейдизма, Фромм выдвигает свой биосоциальный подход к проблеме деструктивности в рамках своей концепции экзистенциального психоанализа. Он критикует тезис о том, что деструктивность в человеке имеет лишь филогенетические корни. Ключевым моментом фроммовской концепции деструктивности являются понятия «социальный характер» и «экзистенциальные потребности». С их помощью он доказывает социальную сущность деструктивных явлений таких, как садизм и некрофилия [1, с. 85]. Деструктивность рассматривается как результат взаимодействия этих потребностей и социальных факторов и представляет собой различные деформации экзистенциальные влечений.

Важное место в концепции Фромма занимает критика капиталистической рыночной системы, которая во многом ответственна за социальные неврозы и деструктивное поведение человека. Капиталистическое общество, по мнению Фромма, несовместимо с требованиями человеческой природы. Эта система дегуманизирует человека, так как в ее основе лежат сугубо материалистические и потребительские ценности. В таком обществе человек рассматривается лишь как средство получения дохода, как товар. Критика социальных систем как главных причин деструктивности не снимает ответственности с самого человека, который их и породил. В соответствии с взглядами Фромма, сама человеческая сущность уже представляет проблему для человека. Противоречие заключается в том, что, по мнению ученого, ключевые экзистенциальные потребности изначально не раз-

решимы. Разум человека порождает главную экзистенциальную проблему. Человек осознает свою смертность, и это накладывает отпечаток на всю его жизнь; он вынужден задумываться над проблемами бытия и смысла жизни. Разум и самосознание делают человека оторванным от природы. С одной стороны, он является частью природы, а с другой – изолирован от неё [7, с. 20]. То есть фактически с рождения человек испытывает отчуждение от мира, пытается преодолеть это природное отчуждение и решить проблему бытия, но не может найти путь. Эти экзистенциальные дихотомии, по мнению Фромма, являются извечной неразрешимой проблемой человеческого бытия. Получается, что в попытках решить эти дихотомии человек каждый раз терпит неудачу и в качестве компенсации бессознательно выбирает деструктивные модели поведения, создавая такие же невротические системы. Следовательно, можно сказать, что человек во многом обречен на деструктивность, и история человечества тому свидетель.

Однако Фромм не мог смириться с этим противоречием. В попытках решить экзистенциальную проблему, он стремился отыскать ядро человеческого существования – центр, где множественность становится единым, хаос превращается в порядок, центр который уравнивает всю человеческую реальность и преодолевает дисгармонию человеческого бытия. В своих поисках он выходит за рамки экзистенциального психоанализа и обращается к западным и восточным религиям и философиям. Он переводит экзистенциальную проблему в антропологическое русло. Это ядро и центр человеческой сущности он находит в бессознательном. Используя ключевое понятие «психоанализа», он меняет и расширяет его природу, помещая туда всю универсальную суть человека, весь его творческий потенциал. Бессознательное становится вместилищем подлинной человеческой природы, которая, по мнению Фромма, гуманистична. Проявление истинной природы Фромм называет также позитивной свободой, которая состоит в спонтанной активности все целостной сущности человека [6, с. 151]. Реализация этой природы, по его мнению, поможет человеку частично разрешить экзистенциальные противоречия и обрести полноту жизни. Однако происходит все наоборот: в процессе социализации и погружения в созданный мир люди теряют себя, свое подлинную природу, они опредмечиваются и становятся рабами созданного ими искусственного мира, бегут от самих себя и погружаются в паутину деструктивности. Как же избежать этого? По мнению Фромма, разум человека не способен решить экзистенциальных дихотомий, так как сам ответствен за них. По его мнению, ориентация и опора только лишь на интеллект, грубый рационализм ответственны за то, что целью человеческого существования стало только потребление и производство все большего количества материальных ценностей. Чтобы обрести свою истинную природу, человек должен понять, что его сознание не свободно, оно опредмечено и находится в плену у материального мира, что оно зависит от различных деструктивных категорий и установок, навязанных социумом. Реализовать свою истинную суть человек может, лишь достигнув гармонии между разумом и чувствами, преодолев разобщенность личности. Для этого он должен открыть не осознанную реальность своего сознания и бытия. Тем самым, по мнению Фромма, он обретет ту настоящую подлинную свободу, целостность и гармонию с миром [там же, с. 153].

Фромм верил, в то, что человек способен помочь себе и создать в обществе такие условия, которые способствуют реализации истинных способностей и потребностей. Человек сможет остановить духовное вырождение и вырваться из плена деструктивности. И в этом, безусловно, заключается гуманистическая направленность учения Эриха Фромма.

Список литературы

1. Добренъков В.И. Психоналитическая социология Эриха Фромма. М.: Альфа-М, 2006. 448 с.
2. Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 736 с.
3. Телятникова Э.М. Радикальный гуманизм Эриха Фромма и его подход к проблеме деструктивности // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 113–119.
4. Уэллс Г. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М.: Прогресс, 1968. 290 с.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. 1973 / пер. с англ. Э.М. Телятниковой, Т.В. Панфилова. М.: Аст, 2004. 635 с.
6. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Аст, 2011. 288 с.
7. Фромм Э. Дзен-буддизм и психоанализ. М.: АСТ, 2011. 160 с.
8. Фромм Э. Человек для самого себя. М., 1992. 320 с.

THE ANATOMY OF HUMAN DESTRUCTIVENESS IN ERICH FROMM'S INTERPRETATION

A.V. Gnedko

Tver State University, Tver

The article is focused on Erich Fromm's interpretation of the human destructiveness phenomenon. Offering a sound criticism of the human destructiveness understanding in social biology, behaviorism, and Freudian doctrine, Fromm created on the existential psychoanalysis platform a quite productive approach to two different kinds aggression - benign and malignant. His strategy is applicable to the study of socio-cultural and political phenomena, relevant to revealing the anthropological meaning of historical events.

Keywords: *destructiveness, instinctivism, behaviorism, benign aggression, malignant aggression, sadism, masochism, necrophilia, social character.*

Об авторе:

ГНЕДЬКО Андрей Владимирович – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: andrewklin_86@mail.ru

GNEDKO Andrey Vladimirovich – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: andrewklin_86@mail.ru